

УДК 811. 1/8
DOI: 10.26140/bg23-2020-0901-0074

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

© 2020

Трубкина Анна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42, e-mail: aitrubkina@sfedu.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению реализации эмотивности в художественном тексте с позиций коммуникативно-прагматического подхода. Такой ракурс позволяет учитывать все факторы, влияющие на функционирование текста в коммуникативном пространстве, в том числе, и тех, что определяют эффективность воздействия такого текста на адресата. Лингвопрагматический аспект изучения художественного текста фокусирует внимание на эмоциональном восприятии эстетического сообщения, поэтому на первый план выдвигаются экспрессивные и стилистически окрашенные языковые и речевые средства в нем, в том числе, такие, которые способствуют актуализации эмотивности художественного текста. Эмоции могут быть выражены в языке и тексте самыми разными способами, которые, к тому же, могут иметь синкретичную природу. Традиционно считается, что эмотивные средства языка включают лингвистические, специфические функциональные средства (суффиксы, эмоционально-оценочная лексика, эмоционально-оценочные экспрессивные структуры) и паралингвистические средства, которые функционально зависимы от языка, употребляются в контексте конкретного речевого акта и направлены на передачу конкретной эмоциональной реакции. Художественный текст сложно преобразует как лингвистические, так и паралингвистические средства благодаря включенности в сферу эмотивности авторского сознания и сознания персонажа. Эмотивность предстает как следствие эмоциональности автора, результат его когнитивной деятельности, т.к. и здесь обнаруживается отражение мыслительных процессов в языке.

Ключевые слова: эмотивность, художественный текст, коммуникативно-прагматический потенциал, семантическое пространство, паравербальные компоненты, микроконтекст, макроконтекст, эксплицитность, имплицитность.

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF EMOTIONALITY IN A LITERARY TEXT

© 2020

Trubkina Anna Ivanovna, PhD, associate professor of Department of Theory of language and Russian language of Institute of Philology, journalism and intercultural communication
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on - don, Bolshaya Sadovaya street 105/42, e-mail: aitrubkina@sfedu.ru)

Abstract. The article deals with the implementation of emotionality in a literary text from the standpoint of communicative and pragmatic approach. This perspective allows us to take into account all the factors that affect the functioning of the text in the communicative space, including those that determine the effectiveness of the impact of such a text on the addressee. The linguopragmatic aspect of the study of a literary text focuses attention on the emotional perception of an aesthetic message, so the expressive and stylistically colored language and speech means in it, including those that contribute to the actualization of the emotionality of a literary text, are put forward to the fore. Emotions can be expressed in language and text in a variety of ways that can also be syncretic in nature. Traditionally, it is believed that the emotive means of language include linguistic, specific functional means (suffixes, emotional-evaluative vocabulary, emotional-evaluative expressive structures) and paralinguistic means that are functionally dependent on the language, are used in the context of a particular speech act and are aimed at transmitting a specific emotional reaction. Literary text is difficult to transform both linguistic and paralinguistic means due to the inclusion in the sphere of emotionality of the author's consciousness and the consciousness of the character. Emotionality appears as a consequence of the author's emotionality, the result of his cognitive activity, because even here the reflection of thought processes in language is found.

Keywords: emotionality, literary text, communicative-pragmatic potential, semantic space, paraverbal components, microcontext, macrocontext, explicitness, implicitness.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Восприятие художественного текста всегда сопряжено с освоением его семантического пространства, посредством которого адресант способен выразить авторское видение мира, реализуя собственные намерения в плане формирования определенной реакции адресата. Художественный текст транслирует эстетическую информацию, причем если музыка или живопись ориентируются на эмоциональное воздействие на предполагаемого адресата, то художественная литература действительно сообщает некую информацию с помощью языковых средств, особой организации пространства текста, создания художественных образов, которые, тем не менее, имеют также и эмотивную направленность. Проблема эмотивности художественного текста является важной составляющей общей проблемы эмотивности в лингвистике. Отражение внутреннего мира автора и персонажей происходит в эстетической коммуникации на разных текстовых уровнях, что определяет необходимость выявления специфики репрезентации эмоций в тексте и описания феномена эмотивности с позиций прагмалингвистики [1].

Анализ последних исследований и публикаций, в ко-

торых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Лингвисты признают [См., напр.: 2, 3, 4], что не существует таких текстов, в которых не было бы маркеров экспрессивности, т.к. любой текст имеет когнитивно-прагматический потенциал, определенным образом влияет на сознание и модели поведения адресата, осуществляя воздействие на него. Экспрессивный эффект не определяется, тем не менее, насыщенностью текста экспрессивными языковыми средствами: такие средства лишь могут повысить степень вероятности возникновения этого эффекта. Структура художественного текста, по мысли Ю.М. Лотмана, включает внешние и внутренние типы пространств, что позволяет также выделить проблему «вотторжения внешнего пространства (стихий) во внутреннее» [5, с. 399]. По всей видимости, «внутреннее пространство» должно включать также сферу эмоций, которые в художественном тексте отражены многообразно и возможно более полно. М.М. Бахтин отмечал, что «переживание и для самого переживающего существует только в знаковом материале, и вне этого материала переживания как такового просто нет» [6, с. 107].

Эмотивность и ее репрезентация в тексте остается дискуссионной проблемой современной лингвистики [7, 8, 9]. Так, часть исследователей рассматривают эмотивность как текстовую категорию на основании выделения в тексте двух типов информации – предметно-логической (фактуальной) и субъективной (эмоциональной) [См.: 10, с. 80; 11, с. 222-223; 12, с. 319-320; 13, с. 68]. Эмотивность играет в художественном тексте ведущую роль не только потому, что позволяет эксплицировать эмоциональное состояние персонажа, но и реализовать перлокутивную функцию, в основе которой – эмпатия [10, с. 108; 8, с. 4; 9, с. 74-75; 13, с. 3]. Эмпатию в таком случае трактуют как «восприятие эмоционального состояния другого человека и возможность сочувствия, то есть ситуация, в которой фактически возникают одни и те же эмоции» [12, с. 320]. Функции эмотивности могут быть изучены и с иных позиций. Например, Б. Тошович считает, что процесс кодирования трансформирует эмоцию в экспрессию, а процесс восприятия позволяет декодировать экспрессию, переводя ее в эмоциональный регистр; значит, перлокутивная функция свойственна экспрессивности [12, с. 318-319]. Тем не менее, эмотивность как языковое выражение эмоций уже представляет собой код, поэтому перлокутивная функция присуща именно эмотивности. За пределами лингвистической (и текстовой категории) оказывается эмоциональность, включающая и неосознанные эмоции [12, с. 319]. По мнению Г.В. Колшанского, «чисто чувственный компонент многоуровневого сознания человека относится к области, недоступной для лингвистического анализа, так как эта область реализуется не в языковом воплощении, а в различных физиологических и психических формах, которые являются предметом изучения соответствующих наук, а не языкознания» [14, с. 142-143].

Реализация эмотивности как текстовой категории происходит с помощью разноуровневых средств языка, которые могут содержать эмотивную сему либо способствуют выражению эмотивности в конкретном контекстуальном окружении [10, с. 106-108; 9, с. 74-75; 11, с. 223; 13, с. 69; 16, с. 4, 9]. Эмотивный фон в тексте продуцируется и посредством тропов (прежде всего, метафор и сравнений), которые имплицитно эмотивны [10, с. 107; 8, с. 19; 17]. Бесспорным фактором, обуславливающим эмотивность текста, являются эмотивные языковые средства. В.А. Маслова, опираясь на коммуникативно-прагматический подход, указывает, что один из главных источников эмотивности – само содержание текста: «содержание текста является потенциально эмотиогенным, потому что всегда найдется реципиент, для которого оно окажется личностно значимым. Эмотиогенность содержания текста – это, в конечном счете, эмотиогенность фрагментов мира, отраженных в тексте» [2, с. 21]. Коммуникативно-прагматический подход позволяет выявить и описать образ мира и языковую личность, запечатлеваемую в нем посредством языка и текста [18].

Формирование целей статьи (постановка задания). Цели статьи определяются необходимостью установить специфику реализации эмотивности в художественном тексте с позиций ее когнитивно-прагматического потенциала, актуализированного посредством эмотивных средств в авторской и персонажной зонах повествования, в том числе, и имплицитных в конкретных микро- и макроконтестах.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Художественный текст способен не только передать речь Говорящего, но и изобразить эту речь эстетически, с помощью различных художественных средств, вербальных и паравербальных. Под паравербальными компонентами художественного текста понимают номинации жестов, мимики, движений человеческого тела и пр. Вербализация эмоций адресанта и языковая интерпретация эмоций как объективной сущности автора и персонажей в художественном тексте принципиально

различны, что позволяет различать в лингвистической научной парадигме язык описания эмоций и язык выражения эмоций, имеющие, в свою очередь, как эксплицитный, так и имплицитный планы. Эмоциональные смыслы могут быть реализованы с помощью эмоциональной лексики в ее номинативной функции и контекстуально обусловленной лексики в прагматической функции.

Репрезентативный материал для анализа когнитивно-прагматического потенциала эмотивности художественного текста находим в тексте рассказа А.П. Чехова «Студент» (1894). Так, представлены прямые номинации эмоций как одно из основных средств создания эмотивности, например: «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух» [19]. А.П. Чехов усиливает воздействие на читателя благодаря описанию движений персонажа, что, несомненно, позволяет передать всю силу испытываемых им эмоций (даже остановился на минуту, чтобы перевести дух). В приведенном контексте вновь употреблена клишированная метафора, которая довольно точно передает внутреннее состояние героя. Также адресант вводит в микроконтекст лексемы, обозначающие чувства апостола Петра, о котором рассказывает герой рассказа, студент духовной академии (очнулся, горько-горько заплакал): «Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал. В евангелии сказано: «И исшед вон, плакался горько». Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышится глухие рыдания...» [19]. Важное место занимает в данном макроконтесте и глагол *вспомнил*, который обозначает новую стадию евангельского сюжета – обретение нового знания посредством воспоминания. Особое внимание обращает на себя и персонажная оценка, также имеющая эмотивное значение, которая вводится лексемой *воображаю*. Настроение печали и трагизм евангельских событий усилены эмоциями героя-рассказчика, которые переданы опосредованно с помощью лексических повторов (*тихий-тихий, темный-темный*) и лексемой с эксплицированным эмотивным значением *рыдания*.

Эмотивность художественного текста продуцируется также и посредством контекстуально обусловленной прагматики лексических единиц: «Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлинула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль» [19]. В приведенном контексте автор описывает жесты и мимику персонажей, что позволяет адресату возможно более полно воспринять эмоциональные проявления героев (выделено курсивом). Важное место в транслировании эмотивности в данном отрывке занимает метафора *тяжелое, напряженное выражение*, которая акцентирует внимание на внутреннем мире Лукерьи, ее эмоциях, когда слушает рассказ студента о евангельских событиях. Основной функцией эмотивности в приведенном ниже контексте становится сообщение об эмоциональном воздействии на студента его слушательниц: «Теперь студент думал о Василисе: если она заплакала, то, значит, всё, происходившее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение...» [19]. Так А.П. Чехов вводит в подтекст своего рассказа мысль об универсальности евангельских смыслов (имеет к ней какое-то отношение), о большой силе воздействия рассказа студента.

Для реализации когнитивно-прагматического потенциала эмотивности важны также такие контексты, в которых отмечается синтез авторской позиции и точки зрения на мир персонажа, например: «Погода вначале была хорошая, тихая. Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку. Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело. Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока хо-

лодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдно. Запахло зимой. *Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка, возвращаясь с тяги домой, шел всё время заливным лугом по тропинке. У него заоченели пальцы, и разгорелось от ветра лицо*» [19]. Первая часть фрагмента представляет собой впечатление от внешнего мира и эмоциональное к нему отношение самого персонажа, в то время как выделенное курсивом – репрезентация авторского голоса.

Лексические средства выражения эмоций представляют собой дискуссионную сферу лингвистики и не могут быть дифференцированы однозначно, однако М.Ю. Олешков отмечает, что обычно выделяются «предикаты эмоций с исходной категориально-эмотивной семантикой (*грустить*), метафорические предикаты эмоций с производной семантикой (*каменеть*); «эксплицитно» выраженные предикаты эмоций (*грустный, грустно*), «имплицитно» подразумевающиеся предикаты эмоций с дифференциально-эмотивной семантикой (*глупый*), собственно эмотивы-экспрессивы с исходной эмотивной семантикой (междометия *ах! увы!*), эмотивы-коннотативы типа *пизюн* и др.» [20, с. 67]. Например: «И все работники, что находились около огня, должно быть, *подозрительно и сурово поглядели* на него, потому что он *смутился* и сказал: «Я не знаю его». Немного погодя опять кто-то узнал в нем одного из учеников Иисуса и сказал: «И ты из них». Но он опять *отрекся*. И в третий раз кто-то обратился к нему: «Да не тебя ли сегодня я видел с ним в саду?» Он третий раз *отрекся*. И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери...» [19]. Истолкование евангельского сюжета, которое дает герой, подкреплено эмоциональным настроением макроконтраста. Дополнительные признаки предиката *подозрительно и сурово поглядели* вводятся именно рассказчиком, микроконтекст включает также прямую номинацию эмоции *смутился*. Важное значение в данном контексте приобретает повтор лексемы *отрекся*, которая номинирует речевой акт, также приведенный в контексте, – «Я не знаю его».

Несомненно, выбор языковых единиц, необходимых для транслирования информации в эмотивном контексте, отвечает коммуникативным намерениям адресанта. Лингвопрагматический потенциал художественного текста, в частности, его эмотивность в самых разных ее проявлениях, может быть адекватно воспринят и корректно интерпретирован только на основании фоновых знаний, личного опыта адресата, в координах его психологического состояния при наличии соответствующей коммуникативной компетенции. Так, в следующем примере рассказчик основывает свое повествование на том, что уже известно его слушательнице: «После вечери Иисус *смертельно тосковал* в саду и молился, а бедный Петр *истомился душой, ослабел*, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал. Потом, *ты слышала*, Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям. Его связанного вели к первосвященнику и били, а Петр, *изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли*, не выпавшийся, предчувствуя, что вот-вот на земле произойдет что-то ужасное, шел вслед...» [19]. Эмотивность становится имплицитной в этом макроконтрасте: не только прямые номинации чувств (*смертельно тосковал истомился душой, ослабел, изнеможенный, замученный тоской и тревогой, предчувствуя*), но и обращения рассказчика к своей слушательнице (*ты слышала, понимаешь ли*), вдове Василисе, углубляют общечеловеческий смысл евангельского сюжета – сюжета о предательстве, муках совести и прощении.

Несомненно, одной из основных функций художественного текста является функция воздействия, однако она не единственная, хотя и формирует эмоциональное и/или рациональное отношение к явлениям, событиям.

Эстетическая функция приобретает в художественном тексте определяющее значение, т.к. художественный текст должен вызывать у адресата эстетическое удовольствие. Эмотивные языковые средства (эмоциональная лексика в номинативной и контекстуально обусловленная лексика в прагматической функциях средств), являясь основным источником эмотивности, позволяют описывать самые разные оттенки чувств автора и персонажей. Среди эмотивных средств выделяют лексемы, лексические сочетания, предложения, сверхфразовые единства. Коммуникативная ценность эмоциональной информации, передаваемой художественным текстом, обуславливает обширный коммуникативно-прагматический потенциал эмотивности, которая организует семантическое пространство художественного текста и определяет интерпретацию его смыслов адресатом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фаткуллина Ф. Г., Халимова Р. Р. Лингвопрагматика Product placement. Уфа: РИЦ БашГУ. 2012. 162 с.
2. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: учеб. пос. Минск: Высшая школа, 1997. 156 с.
3. Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст. М.: Менеджер, 2003. 392 с.
4. Баженова И.С. Обозначения эмоций в художественном тексте: автореф. дисс. ...докт.филол.н.: 10.02.19. М., 2004. 48 с.
5. Лотман Ю. М. Семиясфера. СПб: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979. 120 с.
7. Ионова С.В. Эмотивный фон и эмотивная тональность как элементы содержания текста // Языковая личность: вербальное поведение: Сб. науч. тр. / Под ред. Красавского Н.А. Волгоград: Изд-во «РИС», 1998. С. 57-62.
8. Голубкова Н.Н. Лингвистические особенности категории эмотивности в психологической прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. н. СПб., 2003. 21 с.
9. Калимуллина Л.А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки. 2006. №5. С. 71-79.
10. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Л.: «Просвещение», 1981. 295 с.
11. Новикова Т.Л. Эмотивные компоненты на линии пересечения концептуально значимых смыслов в парадигматике и синтагматике художественного текста // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. К 100 летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского: Материалы VII международной конференции (г. Владимир, 25-27 сентября 2007 года). Владимир: ВГПУ, 2007. С. 221-226.
12. Тошовой Б. Соотносительный круг экспрессивности // Славистика: синхрония и диахрония: Сб. научн. ст. к 70 летию И.С. Улуканова. М., 2006. С. 315-326.
13. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. 2007. №5. С. 3-13.
14. Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
15. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения: Сб. науч. ст. Волгоград: Волгогр. пед. ин-т, 1990. С. 242-249.
16. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учебн. пособ. по спецкурсу. Волгоград: ВГПИ, 1983. 96 с.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: «Прогресс», 1987. С. 126-170.
18. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
19. Чехов А.П. Студент [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/979/p.1/index.html>.
20. Олешков М.Ю. Эмотивность как психолингвистическая категория // Личность, речь, юридическая практика: Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2007. Вып. 10. Часть 2. С. 65-69.

Статья поступила в редакцию 19.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020